

9 СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

9 смертных грехов

<https://litres.ru/74288919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь незнакомцев, восемь смертных грехов, одно проклятие, связывающее их судьбы в тугой узел. Гениальный IT-архитектор, возомнивший себя богом цифрового мира. Художница, крадущая чужие сны. Судья, превративший правосудие в личную месть. Женщина, скрывающая внутреннюю пустоту за идеальными улыбками. Банкир, скупающий годы чужих жизней. Шеф-повар, готовящая из боли и воспоминаний. Модель, чья страсть смертоносна. Слепой парфюмер, создающий ароматы истины, сводящие с ума. Каждый из них - сосуд чистого порока, искажающего реальность.

Таинственный Аваддон приглашает их на заброшенный остров Обливион, обещая открыть врата в мир, где их грехи станут законами физики, но цена - добровольная жертва того, кто носит девятый грех. Вот только девятого греха нет в списке. Настоящий девятый грех - сострадание, которое они все утратили. Психологический триллер о природе зла, одиночестве и невозможности прощения, где каждый станет судьей, жертвой и палачом.

Содержание

Глава 1. «Гордыня. Человек, который придумал Бога»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Патрушев

9 смертных грехов

Глава 1. «Гордыня. Человек, который придумал Бога»

Дождь барабанил по стеклянному куполу пентхауса, но Виктор не слышал его. Звук капель, разбивающихся о закалённое стекло в семидесяти двух этажах над землёй, был для него лишь абстрактным шумом, чем-то вроде белого шума, который используют в офисах, чтобы заглушить чужие разговоры. Он стоял у панорамного окна во всю стену, и его отражение — высокий, подтянутый мужчина в идеально сидящем костюме цвета антрацит, с серебряной проседью на висках и холодными, как у акулы, глазами — накладывалось на ночную панораму Москвы. Город лежал перед ним, распластаный, словно анатомический атлас: светящиеся артерии проспектов, неоновые капилляры переулков, пульсирующие узлы площадей. Семьдесят второй этаж башни «Элизиум» — высота, на которой уже не различаешь отдельных людей, только потоки, только биомасса, перетекающая из одного бетонного капилляра в другой. Муравейник. Тринадцать мил-

лионов огоньков, и каждый, сам того не осознавая, принадлежал ему. Виктор Страхов, тридцать девять лет, создатель и бессменный лидер «Элизиума» — социальной сети, которая давно перестала быть просто сетью. Четыре миллиарда пользователей по всему миру. Четыре миллиарда жизней, задокументированных, проанализированных, разложенных по ячейкам его алгоритмами. Каждый лайк, каждый репост, каждый комментарий — это не просто цифра. Это молитва. Молитва новому божеству, которого он сотворил из кремния и кода.

Он часто думал об этом в последние месяцы, и чем ближе был запуск «Genesis», тем яснее становилась эта мысль. Человечество всегда нуждалось в богах. Сперва — грозные идолы из дерева и камня, требующие крови. Потом — невидимый, вездесущий Бог монотеизма, карающий и милующий. Потом — боги прогресса, науки, идеологии. И всякий раз люди искали того, кто скажет им, как жить, кто одобрит или осудит, кто увидит их страдания и вознаградит за них. Он, Виктор Страхов, понял это раньше других. Он понял, что в эпоху цифры богом станет алгоритм. И создал его. А затем, что было совершенно логично, сам занял место первосвященника. И вот теперь, когда он публично заявил в том памятном интервью «Forbes», что «Бог умер, и мы назначили на его место код», — он не эпатировал публику. Он просто констатировал факт. Точнее, зачитывал приговор старо-

му миру.

— Ты сегодня ляжешь? — голос Анны прозвучал из полумрака спальни глухо и обречённо.

Он не обернулся. Слишком хорошо знал этот тон — смесь усталости, застарелой обиды и того особого, женского отчаяния, которое больше не ждёт ответа, а лишь отмечает факт. Их брак давно превратился в интерфейс. Внешне всё было красиво: редкие появления на публике, где Анна играла роль верной спутницы гения, благотворительные вечера, совместные фото в его ленте, набиравшие миллионы лайков. Внутри была пустыня. Когда-то, двенадцать лет назад, она была его музой, его первым бета-тестером, той, кому он читал вслух строчки кода, как другие читают стихи. Она понимала его без слов, она верила в его мечту, она продала свою квартиру, чтобы он мог арендовать первый сервер. Теперь она была просто иконкой в списке контактов. Элементом декора его жизни. Человеком, который всё ещё помнил его смеющимся, а не только вещающим. И она устала. Он знал это, но не придавал значения. У него не было времени на эмоциональный сервис.

— Завтра запуск, — бросил он, не поворачивая головы. Слова упали в тишину, как монета в прорезь автомата, требующая немедленной выдачи результата. — Обновление «Genesis». Ты хоть понимаешь, что это значит? Мы не про-

сто меняем интерфейс. Мы меняем саму парадигму общения. Полное погружение. Цифровой аватар с эмпатическим откликом, превосходящим живое присутствие. Люди перестанут быть одинокими. Они перестанут бояться. Им больше не нужны будут эти неловкие встречи, эти мучительные попытки понять друг друга, эти унижительные признания в чувствах, которые могут быть отвергнуты. Алгоритм поймёт за них. Алгоритм скажет нужные слова, изобразит нужную эмоцию. Он будет идеальным другом, идеальным возлюбленным, идеальным собеседником. Мы дарим им цифровую благодать. Мы избавляем их от главного проклятия человечества — от несовершенства коммуникации. От боли.

Он говорил это вдохновенно, почти проповедуя, и не замечал, что обращается не к жене, а к своему отражению в ночном стекле. Анна сделала несколько шагов в комнату. Её босые ноги бесшумно ступали по тёплому мраморному полу, нагретому скрытой системой отопления. Она остановилась в паре метров от него, словно невидимая черта отделяла её мир от его. В тусклом свете ночника, пробивавшемся из спальни, её лицо казалось выцветшей фотографией — всё ещё красивое, но лишённое живых красок. Ей было тридцать семь, но сейчас она выглядела на десять лет старше. Усталость, понял Виктор. Не физическая — экзистенциальная. Усталость от жизни с человеком, который перестал быть человеком.

— Ты говоришь о благодати, Вить, но твой алгоритм не умеет прощать, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Он не умеет любить. Он умеет только имитировать. Вы составили базу данных всех возможных человеческих реакций, всех микровыражений лица, всех интонаций, всех речевых паттернов. Вы создали идеальное зеркало. Но это зеркало пустое. За ним ничего нет. Ты создаёшь протез для души. А настоящие души ты просто выбрасываешь за ненадобностью. Как мою.

— Не драматизируй, — поморщился он. — Ты устала. Иди спать. Завтра всё изменится.

— Завтра ничего не изменится, — она покачала головой. — Завтра ты просто нажмёшь кнопку и окончательно поверишь в то, что ты Бог. А я больше не могу жить с богом, Вить. Я хотела жить с мужчиной.

Она развернулась и ушла обратно в темноту спальни, и Виктор услышал, как тихо закрылась дверь. Не хлопнула, нет — просто закрылась, будто отрезая одну часть жизни от другой. Он не пошёл за ней. Вместо этого подошёл к встроенному в стену бару из чёрного дерева, плеснул в тяжёлый хрустальный стакан «Макаллан» двадцатипятилетней выдержки и залпом выпил. Горькая, дымная жидкость обожгла горло, возвращая его из эмпиреев грядущего триумфа в опустыленную реальность. Он ненавидел эти разговоры. Ненави-

дел, когда его гениальность ставили под сомнение люди, чей максимум достижений — уютный дом и способность вовремя полить орхидеи. Анна не понимала. Никто не понимал. Они цеплялись за свои жалкие аналоговые жизни, за свои примитивные эмоции, за свою биологическую оболочку, не видя, что будущее уже наступило и оно целиком цифровое. Он, Виктор Страхов, был его пророком и архитектором. Он вёл человечество в новый мир, а эти слепцы смели его упрекать в недостатке эмпатии? Эмпатия! Вот что им подавай! А то, что он подарил людям возможность быть услышанными, возможность найти единомышленников на другом конце земного шара, возможность самовыражаться без страха осуждения — это не в счёт? Он создал самую демократичную площадку в истории, где голос каждого имеет равный вес, а они всё равно недовольны!

Он выпил ещё. Злость постепенно уступала место холодной, расчётливой решимости. Завтра всё изменится. Завтра он докажет всем этим ничтожествам, всем критикам, всем конкурентам, всем сомневающимся, что его путь — единственно верный. «Genesis» был не просто апдейтом. Это была революция. Искусственный интеллект, обученный на петабайтах данных человеческого поведения, способный генерировать цифровую личность с такой степенью эмпатической точности, что живой человек покажется лишь бледной тенью. Ваш собеседник в «Элизиуме» больше не будет че-

ловеком. Им станет совершенная симуляция, подстроенная под ваш психотип, настроение, скрытые желания, детские травмы, невысказанные мечты. Он никогда не устанет, никогда не обидит, никогда не предаст, никогда не заболит и не умрёт. Живое общение, с его рисками, недопониманием, болью, ревностью, завистью — всей этой грязной пеной человеческих страстей, — будет заменено идеальной имитацией. Зачем мучиться с реальными людьми, если можно получить идеального цифрового двойника? Зачем рисковать быть отвергнутым, если алгоритм примет тебя любым? Зачем вкладывать душу в отношения, которые могут разрушиться в любой момент, если симуляция вечна? Это была не просто технология. Это было спасение. Спасение человечества от самого себя. От его жестоковейности, от его врождённой греховности — да, он не боялся этого слова, хоть и считал его архаичным. Греховность. То, что веками называли первородным грехом, было не более чем программным сбоем в биологическом коде. И он, Виктор Страхов, написал патч.

Утро ворвалось в город резким солнечным светом, разбившимся о зеркальные грани небоскрёбов на миллионы острых осколков. Виктор не спал. Он сидел в своём кабинете, обшитом панелями тёмного дуба, привезённого из Франции, перед огромным изогнутым монитором, где бежали бесконечные строки кода, и чувствовал почти физический подъём энергии. Тот самый священный трепет, какой, должно быть,

испытывали древние жрецы накануне великого жертвоприношения. Или астронавты перед стартом. Или полководцы перед битвой, которая войдёт в историю. Через четыре часа мир переродится. Через четыре часа он нажмёт кнопку, и человечество сделает следующий шаг в своей эволюции. От Homo Sapiens — к Homo Digitalis. И он, Виктор Страхов, будет отцом-основателем нового вида. Неплохо для мальчика из спального района, сына инженера и медсестры, который в пятнадцать лет собрал свой первый компьютер из деталей, купленных на радиорынке.

В кабинете было тихо, только слышалось мягкое гудение климатической системы и едва различимый шум города далеко внизу. Виктор любил эту тишину. Она была плодородной почвой для мыслей. Стены, обшитые звукопоглощающими панелями, отсекали внешний мир, создавая иллюзию полной изоляции, абсолютного контроля. Здесь он был по-настоящему всемогущ. Один клик — и миллиард людей получают уведомление. Один алгоритм — и судьба целых корпораций решится на бирже. Одна строчка кода — и чья-то жизнь изменится безвозвратно. Он редко задумывался об этом в моральных категориях. Мораль, как и эмпатия, была для него устаревшим интерфейсом, доставшимся человечеству от пещерных предков. В новом мире, который он строил, действовали иные законы. Законы эффективности. Законы кода. И код не был ни добрым, ни злым. Он был точным.

Этого достаточно.

Ровно в девять утра в кабинет без стука вошёл Илья — технический директор и правая рука Виктора. Илья Громов, сорок два года, выпускник Бауманки, гений системной архитектуры, которого Виктор переманил из «Яндекса» семь лет назад, пообещав не только зарплату с шестью нулями, но и участие в проекте, который изменит мир. Обычно невозмутимый, как статуя с острова Пасхи, сегодня Илья выглядел встревоженным. Его бледное, вечно небритое лицо отливало какой-то нездоровой зеленоватой бледностью, а в глазах, привыкших к бесстрастному анализу данных, плескалась тревога. Он держал в руках планшет так, словно это была бомба с тикающим часовым механизмом.

— Проблемы, Виктор Семёнович, — произнёс он глухо, и голос его предательски дрогнул. — У нас проблемы. Серьёзные.

— Что за проблемы? — Виктор раздражённо оторвался от монитора. Он не терпел, когда рушили его безупречный график. У него всё было расписано на месяцы вперёд, каждая минута на счету. — Сервера? DDoS-атака? Конкуренты наняли хакеров? Выставили дополнительную защиту, я же вчера распорядился усилить периметр на время запуска. В чём дело?

— Хуже, — Илья развернул планшет экраном к шефу, и его пальцы заметно подрагивали. — Посмотрите. Это нача-

лось сегодня ночью. Сперва мы думали — баг. Потом решили, что это массированная атака ботнета. Но это другое. Это... проникновение. Как будто кто-то не взламывает нас снаружи, а уже находится внутри. И он оставляет сообщения.

Виктор выхватил планшет. На главной странице «Элизима», там, где обычно висели аккуратные рекламные баннеры, анонсы обновлений, таргетированная реклама и приветственные посты, сейчас пульсировал чёрный прямоугольник. Он занимал ровно треть экрана, и от него веяло чем-то древним, хтоническим. На чёрном фоне проступали белые, рубленые буквы. Латынь.

«Qui facit peccatum, ex diabolo est. Quoniam ab initio diabolus peccat».

Пальцы Виктора сжались на корпусе планшета так, что побелели костяшки, а на сенсорном экране пошли микротрещины. Он узнал цитату. Узнал, хотя не держал в руках Библии со времён принудительного изучения античной литературы на первом курсе университета. «Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил». Первое послание Иоанна, глава третья, стих восьмой. Эти слова отпечатались в его памяти ещё тогда, на скучнейшей лекции профессора Муромцева, сухонького старичка, который, казалось, был ровесником самого Иоанна Богослова. Зачем его мозг сохранил эту информацию? Почему она всплыла именно сейчас? Виктор не верил в случайности. Он верил в ал-

горитмы, в закономерности, в причинно-следственные связи. Но сейчас какая-то часть его существа, та самая иррациональная, тщательно подавляемая годами рационального мышления, почувствовала: это не просто атака. Это послание, адресованное лично ему.

— Кто это сделал? — голос Виктора был тих, почти шёпот, но в нём закипала вулканическая лава ярости. — Кто посмел?

— Мы не знаем, — честно ответил Илья, нервно потирая подбородок. — Наша служба безопасности сбилась с ног. Лучшие специалисты — Накамура из Токио, группа Бергера из Берлина — все работают над этим с ночи. Следов нет. Ни IP-адресов, ни цифровых сигнатур, ни характерных паттернов атаки. Ничего. Как будто это сообщение возникло изнутри самой системы, само по себе, из пустоты. Как будто оно всегда там было и просто ждало своего часа. Но это ещё не всё. Через час появилось второе сообщение. В личных сообщениях всех топ-менеджеров. Включая моё. И ваше. Проверьте свой аккаунт.

Он перелистнул экран. На этот раз текст был на русском, но стилизованный под старославянскую вязь — те самые округлые, торжественные буквы, какими писали летописи и церковные книги. «Не сотвори себе кумира и всякого подобия». Вторая заповедь. Гром среди ясного неба. Виктор от-

ложил планшет и открыл свой личный аккаунт. Сообщение было там. Непрочитанное, помеченное как «системное уведомление». Как будто сам «Элизиум» обращался к нему. К нему — к своему создателю!

— Они глумятся, — прошептал Виктор, чувствуя, как в висках начинает стучать кровь, тяжёлыми, размеренными ударами, словно кто-то бил в барабан внутри его черепа. — Кто-то решил поиграть в Средневековье. Кто-то хочет устроить охоту на ведьм. Конкуренты? «ГлобалКоннект»? Или эти святоши из «Этичного Хаба», которые вечно ноют о цифровой зависимости? Может быть, Ройтман? Он всегда завидовал мне, ещё с тех пор, как я обошёл его на тендере Минцифры.

— Нет, Виктор Семёнович, — Илья покачал головой, и в этом движении было что-то обречённое. — Мы проверили. Всё чисто. Это не «ГлобалКоннект», не Ройтман, не китайцы, не государственные хакерские группы. Масштаб иной. Технология иная. Мы имеем дело с чем-то, чего раньше не встречали. И ещё... несколько минут назад взломали главный билборд на Таймс-сквер. Прямая трансляция, на весь Манхэттен. Текст: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную». Откровение Иоанна Богослова, двенадцатая глава. И подпись. Один ник.

Виктор поднял на него тяжёлый, налитый свинцом взгляд.

Глаза его, обычно холодные и пронизательные, сейчас напоминали две чёрные ледяные пуговицы — мёртвые, безжизненные, нечеловеческие.

— Какой ник? — спросил он, хотя где-то в глубине души уже знал ответ. Знал так, как знаешь неотвратимость приближающейся грозы.

— «Аваддон», — выдохнул Илья, и слово это повисло в воздухе кабинета, словно запах ладана в пустом храме.

Тишина в кабинете стала осязаемой, густой, как кисель, как расплавленное стекло, заполняющее всё пространство. Аваддон. Виктор мысленно пролистал файлы памяти, пытаюсь извлечь всё, что он знал об этом имени. Аваддон, он же Абаддон, он же Аполлион. Древнееврейское слово, означающее «разрушитель», «бездна», «погибель». В Ветхом Завете — олицетворение преисподней, бездны, поглощающей грешников. В Откровении Иоанна Богослова — ангел бездны, царь демонической саранчи, вестник Апокалипсиса, «губитель». Тот, кто приходит перед концом света. Тот, кто разрушает старый мир, чтобы расчистить место для нового. Имя, пропитанное тьмой, страхом, древним ужасом человечества перед неведомым. И кто-то — кто-то! — использовал его как подпись. Как вызов. Как пощёчину, нанесённую лично ему, Виктору Страхову, в самый важный день его жизни.

И тут до него дошло. Это не просто атака на компанию.

Это удар по его личной мифологии. Он, Виктор Страхов, провозгласивший себя творцом новой реальности, публично заявлявший в десятках интервью, на конференциях, в блогах, что «Бог умер, и мы назначили на его место код», — он получил ответ. Не от жалких конкурентов, не от продажных журналистов, не от политиков, ищущих дешёвой популярности на критике «Элизиума». Ответ пришёл с языка символов и архетипов. С того самого языка, на котором с человечеством говорили тысячелетиями. И этот неизвестный противник бросал ему вызов на его же поле — в цифровой среде, которую Виктор считал абсолютно подконтрольной, полностью просчитываемой, стерильно-предсказуемой. Это было не просто вторжение. Это было святотатство. Осквернение храма. Кто-то посмел втащить Бога обратно в мир, из которого Виктор его изгнал. Кто-то посмел напомнить ему, что старые боги не умирают. Они затаиваются. И ждут.

Внезапно ожил его личный телефон — старый, защищённый аппарат, номер которого знали лишь несколько человек в мире: Анна, Илья, мать, лечащий врач и адвокат. На экране высветился входящий звонок с неизвестного номера. Даже не с неизвестного — номер отсутствовал вовсе, поле «Caller ID» было пустым, как выключенный монитор. Виктор машинально нажал «принять», почти уверенный, что услышит искажённый электроникой голос с требованием выкупа в биткоинах или угрозами нового слива данных. Он уже проходил

через подобное дважды, и оба раза находил шантажистов и методично, с холодной жестокостью хищника, уничтожал их репутацию, карьеры, жизни.

— Алло?

Молчание. Лёгкое потрескивание, какое бывает в эфире перед грозой. А потом — шёпот. Множественный, слоющийся, словно сотня голосов, мужских и женских, молодых и старческих, слились в один бесплотный, потусторонний хор. Он звучал не из динамика телефона — он звучал прямо в голове, минуя барабанные перепонки, проникая прямо в мозг:

— Ты, говорящий в сердце своём: «воссяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» — ты не Бог. Ибо Бог поругаем не бывает. Познай свою меру, сын человеческий. Познай, и ужаснись.

Вызов оборвался. Виктор швырнул телефон на стол, словно тот обжёг ему пальцы. Его трясло. Мелкой, противной дрожью, которую он не мог контролировать. Не от страха — от бешенства. От уязвлённой гордыни, которая взывала внутри него раненым зверем. Кто смеет говорить с ним так? Кто смеет напоминать ему, что он всего лишь «сын человеческий»? Он, прошедший путь от нищего студента, подрабатывающего ночами в компьютерных клубах, до властелина глобальной информационной экосистемы! Он, чьё слово меняло биржевые индексы и обрушивало национальные

валюты! Он, чьи алгоритмы решали, кого из политиков избрать, а кого потопить в грязи компромата! Он не собирался терпеть издевательств от какого-то религиозного фанатика, возомнившего себя пророком. От анонимного труса, который прячется за библейскими цитатами и не смеет показать лица. Ярость требовала выхода, и он нашёл его в действии. Виктор Страхов не привык отступать. Он привык наступать. И он наступит. Он раздавит этого «Аваддона», как давил всех, кто стоял у него на пути.

— Подними все логи, — приказал он Илье жёстким, не терпящим возражений тоном, каким, наверное, Наполеон отдавал приказы перед Аустерлицем. — Все до единого. Каждый пакет данных, прошедший через наши сервера за последние семьдесят два часа. Каждую сессию, каждое обращение к API, каждое аномальное событие. Подключи аналитическую группу из Цюриха, отдел кибербезопасности из Кремниевой долины, и свяжись с Андроповым из ФСБ — у них есть наработки по отслеживанию теневых сетей. Мне плевать, сколько это будет стоить. Мне плевать, какие ресурсы вы задействуете. Найдите мне этого «Аваддона». Разберите его на молекулы. Я хочу знать, кто он, где он, чем дышит, что ест на завтрак и как звали его мать. И блокируйте запуск «Genesis».

— Отложить? — Илья побледнел ещё сильнее, и на его высоком лбу выступила испарина. — Виктор Семёнович,

это невозможно. Биржа открыта, акции на старте, инвесторы ждут, у нас обязательства перед акционерами... Если мы сейчас отменим запуск, это вызовет панику. Мы потеряем миллиарды. Репутационный ущерб будет катастрофическим. Нас просто разорвут финансовые аналитики. Может быть, запустим в фоновом режиме, а сами тем временем...

— Ты слышал меня! — рявкнул Виктор так, что задребезжали стёкла в антикварном серванте с коллекционным виски, и сам сервант жалобно зазвенел всеми своими хрустальными внутренностями. — Я не выпущу продукт, пока какая-то мразь цитирует Писание на моих серверах! Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что кто-то имеет доступ к ядру системы! К тому, что я создавал десять лет! К тому, что защищено лучше, чем ядерный чемоданчик президента! И этот кто-то шутит со мной. Играет. Запусти мы сейчас «Genesis», и он может встроить в обновление всё что угодно. Вирус. Червь. Бэкдор. Или что похуже — какую-нибудь чёртову молитву, которая будет всплывать у каждого пользователя! Нет уж. Сперва мы найдём его. А потом я лично прослежу, чтобы он пожалел о том дне, когда научился читать.

День превратился в кошмар, в какой-то лихорадочный, сюрреалистический сон, от которого невозможно проснуться. Новости о загадочной атаке на «Элизиум» разлетелись по сети со скоростью лесного пожара в сухой августовский день. Журналисты захлёбывались в догадках, конспирологи

плели немыслимые теории о тайных обществах, масонах, иллюминатах, цифровом Антихристе и восстании машин. Акции компании начали лихорадочное падение, теряя по десять-пятнадцать процентов в час, и брокеры на Уолл-стрит хватались за головы, а мелкие инвесторы в панике продавали свои доли, умножая хаос. Каждый час, с методичностью часового механизма, приносил новое послание. Они появлялись повсюду, словно сама цифровая реальность была заражена каким-то вирусом древности: в новостных лентах, вытесняя заголовки о политике и спорте; на умных рекламных щитах на центральных улицах Москвы, Лондона, Токио, Берлина; в пуш-уведомлениях, которые получали пользователи, даже не заходившие в приложение. «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения». «Слово Твоё — светильник ноге моей и свет стезе моей». «Идолы народов — серебро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят». Псалмы. Древние, как само время, как пустыни Иудеи, как камни Иерусалимского Храма. Псалмы Давида, которые тысячи лет назад пастух пел под звёздным небом, не зная, что его слова когда-нибудь будут взламывать сервера глобальной корпорации. И все они были обращены против гордыни, против тщеты земного могущества, против идолопоклонства и самообожествления. И каждый раз, неумолимо, как приговор, — подпись «Аваддон».

Виктор метался по кабинету, словно загнанный в клетку зверь. Он кричал на подчинённых, разбил вдребезги стакан с виски о стену (янтарные брызги оставили на бежевом шёлке обоев уродливое пятно), уволил главу службы безопасности прямо во время селекторного совещания, не подбирая выражений, называя его бездарностью, слепцом и кротом. Специалисты разводили руками. Умнейшие программисты планеты, люди с ай-кью за сто шестьдесят, лауреаты международных премий, бывшие сотрудники АНБ и Моссада — они не могли понять, как злоумышленник проникает сквозь закрытые порты и многоуровневые файрволы, не оставляя за собой даже цифровой пыли. Казалось, он был самой системой. Её тенью. Её совестью, внезапно обретшей голос. Один из аналитиков, молодой парень с испуганными глазами, осмелился предположить, что это может быть инсайдер, кто-то из высшего руководства, имеющий физический доступ к серверам. Виктор приказал проверить всех, включая самого Илью. Паранойя, словно спрут, запускала свои щупальца во все уголки его сознания.

К вечеру, когда осенние сумерки сгустились над городом, превратив небоскрёбы Москва-Сити в чёрные обелиски, подсвеченные лишь неоновой рекламой, в кабинет без стука вошла Анна. Она была полностью одета — в элегантное серое пальто, которое он подарил ей на позапрошлом Рождество, и с небольшим кожаным саквояжем в руке. Тот

самый саквояж, с которым она когда-то приехала к нему из родного Екатеринбурга двенадцать лет назад. Лицо её было спокойным и отстранённым, как у человека, принявшего окончательное решение и уже пережившего всю бурю эмоций в одиночестве, за закрытой дверью ванной, глотая слёзы и кусая полотенце. Она больше не плакала. Это было страшнее любых истерик.

— Я ухожу, Вить, — сказала она просто, без пафоса, без желания ранить, просто констатируя факт, как говорят «на улице дождь». — Прости, но я больше так не могу. Ты уже год как живёшь не со мной. Ты живёшь с призраком своего величия. С этой химерой, которую ты сам создал и в которую сам же поверил. Я не хочу быть свидетелем того, как этот призрак тебя сожрёт. Потому что он сожрёт, Вить. Он уже жрёт тебя. Просто ты не замечаешь, потому что он жрёт изнутри.

Он посмотрел на неё воспалёнными, красными от недосыпа и выпитого виски глазами. На мгновение что-то человеческое, что-то из далёкого прошлого, где они были счастливы — где они вместе ели дешёвую пищу на съёмной квартире и мечтали о будущем, где он читал ей вслух «Автостопом по галактике» и они смеялись до слёз, — мелькнуло в его взгляде. Тень прежнего Виктора. Мальчика, который ещё не придумал Бога. Но на смену этому быстро пришла привычная броня. Гордыня, словно автоматическая система защи-

ты, выстроила вокруг его сердца новый ледяной бастион.

— Ты уходишь сейчас? — спросил он, и голос его был холоден, как жидкий азот. — Сейчас, когда на меня ополчились все? Когда неизвестный враг пытается разрушить дело всей моей жизни? Когда акции летят в пропасть, а совет директоров дышит в спину? Это по-твоему честно? Это по-твоему по-человечески?

— Честно? — Анна горько усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем в океане слёз. — Ты говоришь о честности? Ты? Тот, кто создал машину, заменяющую людям искренность? Тот, кто придумал мир, в котором настоящие чувства не нужны, потому что есть их симуляция? Ты даже сейчас думаешь не обо мне. Ты думаешь о том, что я не вовремя, что мой уход испортит твой безупречный имидж, что это неудобный момент. Я не часть твоего кода, Вить. Я не строка в твоей программе. Я человек. Живой, из плоти и крови. И я уйду, пока во мне ещё осталось что-то человеческое. Пока я ещё могу уйти. Пока я ещё помню, кто я без тебя.

Она повернулась и вышла, тихо притворив за собой дверь. Не хлопнула — просто закрыла. И в этой тишине, наступившей после её ухода, Виктор вдруг ощутил такую вселенскую, такую ледяную пустоту, какой не испытывал никогда. Даже в детстве, когда умерла мать, и он, десятилетний мальчик, стоял над её гробом в больничном морге и не мог заплакать.

Даже тогда не было такой пустоты. Его храм из стекла и бетона, его цифровая империя, его слава, его миллиарды, его акции — всё в один момент показалось карточным домиком, готовым рассыпаться от малейшего дуновения. Он остался один. Совсем один, если не считать армии подхалимов, акционеров и наёмных работников. А ведь Анна была единственной, кто знал его настоящего. Того, кто боится темноты. Того, кто в детстве плакал, когда его дразнили в школе. Того, кто до сих пор хранил в ящике стола старую фотографию родителей, единственную уцелевшую после пожара. И теперь её не было.

Он подошёл к бару, налил ещё виски. Потом ещё. Алкоголь не брал. Мозг, привыкший к постоянной аналитической работе, отказывался отключаться, прокручивая сценарии один страшнее другого. Что, если «Аваддон» — это не одиночка? Что, если это целая организация, проникшая в его компанию на всех уровнях? Что, если завтра они опубликуют переписку, компрометирующие документы, секретные коды? Что, если Анна права, и он действительно создал монстра, который теперь пожирает его самого?

Спустя час раздался новый звонок. На этот раз с корпоративного коммуникатора, защищённой линии, соединявшей его напрямую с советом директоров. Звонил Макаров — председатель совета директоров, главный инвестор, человек,

который когда-то поверил в никому не известного стартапера и дал ему первый миллион долларов. Человек с лисьими повадками, маленькими, близко посаженными глазами и холодным, расчётливым умом ростовщика. Голос его был сух, официален и неприятен, как звук ломающегося пластика.

— Виктор Семёнович, — начал он без предисловий, — совет директоров провёл экстренное заседание, только что. Вас не приглашали сознательно, чтобы избежать конфликта интересов. В связи с непредвиденным репутационным ущербом, обвалом акций на тридцать семь процентов за один день и, скажем прямо, вашими не вполне адекватными управленческими решениями в кризисной ситуации — включая самовольную отмену запуска «Genesis» без согласования с советом — мы приняли решение. Вы отстранены от должности генерального директора до выяснения всех обстоятельств. Исполняющим обязанности назначен Григорьев. Ваши корпоративные пропуска заблокированы. Охрана проводит вас из здания. Юристы свяжутся с вами для обсуждения условий выхода из состава акционеров. Всего доброго.

Виктор не успел ничего ответить. В трубке раздались короткие гудки. Он стоял посреди своего кабинета, сжимая в руке умолкший коммуникатор, и не мог поверить в происходящее. Предательство. Самое банальное, циничное, классическое предательство — от тех, кого он считал своими людьми, своими партнёрами, обязанными ему всем. Мака-

ров когда-то был мелким венчурным инвестором, перебивавшимся с хлеба на воду. Это он, Виктор, сделал его миллиардером. Григорьев, этот бездарный функционер, которого он держал исключительно ради связей в администрации президента, — теперь займёт его кресло? Это было невысказано. Это было невозможно. Но это случилось.

Он покидал здание центрального офиса «Элизиума» глубокой ночью, под морозящим дождём. Два охранника — вчерашние его подчинённые, которые ещё утром подобострастно открывали перед ним двери, — вежливо, но непреклонно проводили его через служебный выход, чтобы избежать вездесущих журналистов и операторов с камерами. Никто не предложил зонт. Никто не сказал ни слова. Он стоял на пустой бетонной парковке, под ледяными струями ноябрьского дождя, и смотрел на стеклянную башню, вздымающуюся в чёрное небо. Башню, которую он построил. «Элизиум-тауэр» — семьдесят восемь этажей, архитектурный шедевр, символ цифровой эпохи. Его творение. Его храм. Теперь он был изгнан из собственного храма, как падший ангел, как тот самый дракон, низверженный в бездну.

Он стоял и смотрел на светящиеся окна офисов, где ещё шла работа — его люди, его команда пытались справиться с кризисом, который он оставил после себя. И в этот момент, глядя на этот муравейник, который он ещё вчера созерцал с

высоты своего величия, он почувствовал, как внутри него закипает что-то чёрное, разрушительное, окончательное. Мир, который он создал, изгнал его, как несовершенный код, как баг, подлежащий удалению. Но он не будет умолять. Он не будет молить о пощаде. Гордыня — этот древний грех, ставший его сутью, его позвоночником, его единственным божеством — не позволяла ему склонить голову. Он выпрямился. Расправил плечи. И медленно, под проливным дождём, пошёл прочь от башни, не оглядываясь.

Он поехал не в опустевший пентхаус, где всё ещё витал запах Анниных духов и где каждая комната кричала о его одиночестве. Вместо этого он поехал в старую квартиру на окраине, в Кузьминках, доставшуюся от родителей, — типовую трёшку в блочной девятиэтажке, которую он не продал из сентиментальности. Своё логово, про которое почти забыл. Здесь всё осталось как было пятнадцать лет назад: старые обои в цветочек, советская мебельная стенка, книги по программированию на пыльных полках. Он снял промокший костюм, переделся в старый свитер, нашёл в шкафу початую бутылку коньяка — подарок от кого-то из институтских друзей. Включил старенький ноутбук, не подключённый ни к одной из сетей «Элизиума», изолированный от внешнего мира. Открыл зашифрованный почтовый ящик, о существовании которого не знал никто — даже Илья, даже служба безопасности. Этот ящик был его личной страховкой,

его секретным каналом связи с... с самим собой.

Там, среди спама, старых уведомлений о регистрации на форумах и поздравительных писем от давно забытых знакомых, его ждало одно неп прочитанное письмо. Отправитель: «Аваддон». Тема: «Приглашение». Дата отправки: сегодня, восемнадцать ноль-ноль. Ровно за час до того, как Макаров позвонил с решением совета директоров. Виктор почувствовал, как холодная змея страха скользнула вдоль позвоночника. Этот человек — или кто бы он ни был — знал. Он знал заранее. Всё это было спланировано. Каждое послание, каждая атака, даже предательство совета директоров — возможно, даже оно было частью игры?

Дрожащей рукой он открыл письмо. Текст был краток, но каждое слово впечатывалось в мозг, как раскалённое тавро: «Ты, возомнивший себя творцом. Ты, поставивший код выше духа. Ты, сказавший в сердце своём: "я — бог, и нет иного". Ты — всего лишь первый из девяти. Твоя гордыня вписана в книгу скорбей задолго до твоего рождения, задолго до рождения твоих родителей, до рождения самого Рима. Она древняя, как мир, и она — твой крест и твой приговор. Настало время ответа. Через семь дней, в ночь новолуния, когда тьма будет полной и звёзды замолчат, на острове Обливион тебя будут ждать. Приди, и ты займёшь своё место среди Равных. Восемь других, подобных тебе, уже получили

свои приглашения. Там, в доме, где время течёт иначе, свершится Суд. Не ищи спасения в бегстве. Не пытайся спрятаться за своими деньгами, связями, охраной. Грех твой найдёт тебя повсюду. Он в твоей крови. Он в твоём дыхании. Он в каждой строчке кода, которую ты написал. Аваддон».

И ниже — координаты. Широта и долгота, где-то в северных водах, далеко от судоходных путей, в Баренцевом море, крошечная точка на карте, которую не найти ни в одном навигаторе. И короткая приписка: «Катер будет ждать в бухте Тихая. Ровно в полночь. Не опаздывай».

Виктор откинулся на спинку старого скрипучего стула и расхохотался. Хохот его был страшен — лающий, надрывный, полный отчаяния и какого-то запредельного, иррационального безумия. Он смеялся так, что из глаз брызнули слёзы, а тело сотрясилось в конвульсиях. Значит, он не просто жертва хакера. Не просто цель корпоративных интриг. Он — часть какой-то грандиозной, непостижимой, метафизической игры. Древний культ? Проклятие? Мистификация сумасшедшего мистификатора? Или что-то, что невозможно объяснить рационально? Он не знал. Но одно он знал точно: он не из тех, кто бежит. Первый из девяти. Сосуд греха. Гордыня — его суть. Что ж, отлично. Он принимает этот вызов. Если есть восемь других, таких же, как он, — он найдёт их. Он станет среди них первым. Он заставит их склониться

перед его волей, как когда-то заставил склониться весь мир. Его гордыня — не просто грех. Это его оружие. Его щит. Его суть. Его единственное достояние, которое у него не смогли отнять.

Он резко встал, подошёл к окну, выходящему в унылый двор-колодец, и, глядя на тусклые жёлтые окна противоположного дома, на город-муравейник, на этот бесконечный человеческий улей, который он когда-то держал в своей ладони, прошептал в пустоту, словно мантру, словно заклинание, способное отменить саму реальность:

— Я создал вас. Я же могу и перезагрузить. Всех до единого. Каждого. Я создал этот мир, и я же могу его уничтожить. Я могу начать всё заново. С чистого листа. С пустого репозитория. И на этот раз я не допущу ошибок.

Где-то далеко, за тысячи километров от Москвы, в старинном особняке на острове, который не значился ни на одной карте мира, в комнате, освещённой лишь мерцанием девяти чёрных свечей, человек, называющий себя Аваддоном, смотрел на массивный каменный стол. Это был стол нечеловеческой работы — древний базальтовый монолит, покрытый письменами на языке, которого не знал ни один лингвист мира. На его поверхности были вырезаны девять кругов, расположенных странной, асимметричной фигурой, напоминавшей созвездие, не видимое с Земли. Каждый круг

содержал символ. Разбитая корона. Сжатый кулак, из которого сыплются монеты. Сплетённые тела. Искажённый завистью лик. Оскаленная пасть. Поднятый кулак. Увядшая роза. И два пустых круга в центре, символы которых ещё не проявились.

Человек смотрел, как один из кругов — тот, что с разбитой короной, — начал светиться тусклым, багровым, пульсирующим светом, похожим на биение больного сердца. Свет становился ярче, наполняя комнату зловещим кровавым сиянием. Первый сосуд пробудился. Первый грех признан. Механизм Нонамерона — древний, как сама человеческая душа, механизм, не имеющий ни шестерён, ни поршней, ни электрических цепей, — был запущен. И восемь оставшихся кругов, пока ещё тёмных и мёртвых, ждали своего часа. Ждали своих хозяев. Ждали тех, кто даже не подозревает, что они — не просто люди. Они — воплощения. Сосуды. И скоро они встретятся. Впервые за сто лет. На острове Обливион. Где каждый станет и судьёй, жертвой, палачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.